

Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх — в сторону света, ему будет мучительно выполнять всё это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше. И как ты думаешь, что он скажет, когда ему начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обра-

I СОБЫТИЯ И ИХ ГОРИЗОНТЫ

— всё, что касается текущих
социальных процессов и развития со-
временного мира

Мир
и
Человек

НА ПОРОГЕ

Виктор Щербина

доктор социологических наук, профессор, эксперт SG SOFIA

Эпидемии всегда сопутствовали эпохальным переменам в жизни человечества и порой трудно определить, что было причиной чего. Исторически исчерпавшие себя способы организации общественного хозяйства, которые более не в состоянии обеспечить полноценное питание и прочие условия жизни возросшего населения, а также вызываемые этим внешние и внутренние конфликты за различного рода ресурсы, ослабленные этой борьбой механизмы социального контроля и переживаемое людьми состояние жизненной неопределенности, всегда отрицательно сказываются на массовом здоровье. Это открывает ворота новым болезням. Не исключением стал и наш новый век со всеми его технологическими чудесами.

Система организации общественной жизни, которая была создана в пору глобального господства идей неолиберализма в политике, экономике, культуре, уже длительное время работает в режиме хронического кризиса, переходящего на наших глазах в распад её институциональных основ. Со свои-

ми задачами эта система справлялась весьма эффективно – просто её историческое время ушло и она стала разрушать самое себя. В «тысячелетнем рейхе глобального однополюсного миропорядка» воочию проявилось, что её цель, её эффект это не спасение и развитие человека. Бизнес, просто бизнес.

Теоретические представления экономистов о том, что капитализм является «мотором экономики» и не затрагивает логики социальных институтов, нынче поставлены под крайнее сомнение во всех странах мира. В ходе неолиберальных реформ важнейшие функции жизнеобеспечения – медицина, образование, охрана правопорядка и обороны полностью или частично перешли в руки частного капитала и оказалось, что процессы в этих сферах были перенаправлены исключительно на получение прибыли. Когда же возникла реальная в них необходимость, они оказались неспособны справиться с бедой. Ситуация с коронавирусом сделала этот факт явственным во всех странах – там, где государство оставалось в руководстве этими институтами, были предприняты

эффективные меры, где же все было в частных руках начался сумбур и неопределенность, появились панические настроения.

События показывают, что современные правящие элиты начинают реагировать лишь на события экономического характера – ведь общества, в которых мы живем, выстроены с единственной целью получения прибавочной стоимости. Агентство Bloomberg пишет, что инвестиционные банки Goldman Sachs и Morgan Stanley в марте объявили о начале глобального кризиса. Речь идет лишь о глубине и возможной продолжительности рецессии. Экономист Morgan Stanley Четан Ахья отметил, что рассматривает рецессию как базовый сценарий для мировой экономики в 2020 году. Ее рост по итогам года не превысит 0,9 процента. По версии Яна Хациуса из Goldman Sachs, рост глобального ВВП составит 1,25 процента. Рейтинговое агентство S&P предсказывает рост в пределах 1-1,5 процента. Все опрошенные агентством эксперты сходятся в том, что спад будет менее серьезным по сравнению с ситуацией 2008 года, когда мировой кризис привел к падению глобального ВВП на 0,8 процента. Однако эффект будет более ощутимым, нежели в 2001 году, когда «лопнул» «пузырь доткомов», и во время кризиса начала 1990-х. Также издание отмечает, что большое количество негативных прогнозов от аналитиков должно побудить финансовые власти в разных странах оказывать больше мер поддержки производителям и малому бизнесу. Безработица существенно увеличится из-за пандемии коронавируса. Об этом сообщают пресс-служба Международной организации труда при ООН. В МОТ представили различные сценарии последствий пандемии для рынка труда. При ее незначительном влиянии на рост ВВП рабочие места могут потерять около 5,3 млн человек, при

среднем - 13 млн и при значительном - 24,7 млн человек. Для сравнения, во время кризиса 2008 - 2009 годов число безработных выросло на 22 млн. В наибольшей степени пострадают сотрудники сферы туризма, но не только. Потери в доходах к концу года составят от 860 миллиардов до 3,4 триллиона долларов. Это обернется снижением покупательной способности и ударит по бизнесу и мировой экономике в целом. В наибольшей степени это касается сферы производства, где с бедностью и нищетой столкнутся от 8,8 до 35 миллионов человек. Скоординированный международный ответ на этот вызов может уменьшить число людей, которым грозит безработица из-за последствий пандемии, подчеркнули в МОТ. «Это (пандемия коронавируса) больше не является просто глобальным кризисом в сфере здравоохранения, это еще и серьезный кризис на рынке труда и экономический кризис, оказывающий огромное влияние на людей», – сказал гендиректор МОТ Гай Райдер.

Однако на какой основе может возникнуть этот скоординированный общий ответ – в мире раздираемом противоречивыми экономическими, социальными, культурными и политическими интересами?

Кризис отражается и на нашей стране, ставшей за годы реформ чрезвычайно открытым сегментом глобальной экономики и политики. Например, экс-министр развития экономики, торговли и сельского хозяйства Тимофей Милованов полагает, что связанный с пандемией коронавируса кризис может оставить без работы, по консервативным оценкам, от 170 тыс. до 500 тыс. украинцев. Наиболее уязвимы неформально занятые работники: в Китае таких насчитывается около 291 млн, в Украине — примерно 20% от всех сотрудников, или 3,4 млн человек. В том чис-

ле 22-23% работают в сферах торговли, мелкого ремонта, питания, отельного бизнеса, транспорта. То есть, около 700 тыс. людей. От четверти до половины из них могут уволить во время кризиса. В итоге только в указанных отраслях количество оставшихся без работы может составить от 175 тыс. до 350 тыс.

В условиях либеральной экономики безработица – болезненный и стихийный процесс высвобождение рабочих рук из прежних отраслей хозяйствования. Это «лишние люди» - производительные силы общества, которые не находят своего применения в прежней стагнирующей системе общественной организации труда. Эта система была организована как общество потребления, растущее на созданных к середине XX века наработках в сфере материального производства, организации общественной и духовной жизни глобализированного войнами человечества.

Цикл мирового хозяйствования на основе потребления закончен и мир на пороге нового цикла, началом которого станет новая производительная фаза. Готовиться надо к этому, а не ждать «завершения кризиса», изо всех сил стремясь «продержаться» удерживая прежний порядок общественной жизни. Ответ на сложившуюся ситуацию в новой системе организации мирового хозяйства - в будущем а не в возврате к прошлому. Представления о «конце глобализации» и возврате к жизни в герметически разделенных национальных государствах - не более чем идеологический эффект в головах людей, которые не мыслят себя вне прежних форм организации жизни. Независимо от того, есть ли опасность «на самом деле» мы видим демонтаж институтов форм глобализации, которые были созданы в XX веке. На пороге начало перезагрузки нового типа

производительного общества, которое также будет глобальным – но, разумеется, не в один момент и на другой технологический, организационной, духовной основе. Предстоит исторический переход к новому миру – и будет ли он носить эволюционный либо революционный характер, зависит от множества факторов.

Надеяться, что «как-то оно да будет» и стремиться «заработать на пожаре» характерно не только для части правящего класса, но и для широких масс во многих странах мира. В процессах произошедшего с конца 80-х г.г. ХХ в. демонтажа прежней системы глобализированного производства во многих странах образовался правящий класс живущий за счет высвобождавшихся таким образом материальных и людских ресурсов. Этот класс непроизводителен исторически, по природе своего происхождения - к власти пришли люди, сделавшие себя в процессах развала и способны видеть в происходящем не угрозу, а возможности для собственного процветания. Похмелье будет тяжким там, где общества оказались заложниками непрофессиональной и не подготовленной власти, живущей идеологемами уходящего мира, не способными не только по-новому действовать, но даже учиться, поскольку система их социальной мотивации направлена на овладение ресурсами и снятие с себя ответственности, но не на решение общественных проблем. Момент истины только начинается.

Ситуация в Украине приближается к точке, когда общественный диалог становится все более невозможен, поскольку люди мыслят не общими понятиями, отражающими их социальные интересы, а частными мнениями, возникающими под влиянием ситуативных обстоятельств. Осуществлять диалог и, тем

более спорить о общественных процессах становится все более невозможno и бессмысленно - на это ни времени ни ресурса. Необходимы быстрые решения – но не просто быстрые, реактивные, а эффективные, то есть отвечающие сути переживаемых проблем, но не их представлениям в головах людей. Исторические условия для возникновения нового социального порядка требуют этого - под это нужен новый политический субъект, способный осуществить историческую трансформацию в соответствии с требованиями новых вызовов.

Однако это лишь условия, т.е. одна из возможностей, социальное же основание возможного нового порядка - вопрос отдельный. В точке общественного интереса находится пока mest лишь формальный вопрос о политическом субъекте, а не то, чем он может быть образован – новый исторический процесс. Вирус выступил в роли катализатора перемен, которые, к сожалению, не осмысливаются в рациональных категориях. Поэтому вокруг него возник ореол «вирусной глобальной религии» - граждане разделились на верующих в коронавирус и неверующих в него. Формируются темы и линии конфликтности по этому поводу, неизбежно возникновение ресурсов противостояния. Одни требуют чрезвычайных мер, другие пытаются этому сопротивляться.

От имени «масочников» устанавливается новый порядок насилия, ведь это удобный повод развивать чрезвычайщину, в которой мы живем уже шестой год. Но чрезвычайщина разрушает основу жизненного мира – как те микроуклады самовыживания, которые сформировались в прежнем хронически кризисном обществе, так и те структуры общественного доверия, которые функционировали там же. Люди как и в прежние, «доинформационные», века ста-

раются закрыться от наступающих перемен собственными иллюзиями, пытаются жить освоенным и понятным прошлым, не желая и не умея заглядывать за горизонт актуального настоящего. Потому и надеются, верят в то, что изменения имеют временный характер, после чего все вернется на круги своя. Эту веру эксплуатирует политической класс для управления – но и сам политический класс состоит из людей с такой же культурой, круг замыкается.

Новый горизонт организации хозяйственных укладов формируется достаточно давно и в ситуации пандемии становится критически важным ресурсом выживания. В 1991 году американский экономист Майкл Порттер написал статью, давшую жизнь «гипотезе Порттера». Её суть в том, что жёсткие ограничения дают толчок к возникновению инноваций и повышению эффективности. По итогам коронавируса эта гипотеза окажется крайне востребованной для описания мира, в котором, возможно, мы будем жить. Не все, кто сейчас ведут переговоры в режиме видеоконференции, захотят летать через весь мир ради ровно таких же переговоров. Не все, кто сейчас дома смотрят фильмы на стриминговой платформе, станут опять ходить в кинотеатры. А кто-то не захочет снова ехать на общественном транспорте или пользоваться каршерингом и продолжит кататься на своём велосипеде или ходить пешком. Подобные изменения в поведении были зафиксированы на примере забастовки в лондонском метро в 2014 году. Исследователи сравнили поведение владельцев проездных до и после стачки, которая длилась всего два дня. Оказалось, что транспортные привычки изменились у 5% пассажиров метро: они либо совсем перестали пользоваться подземкой, либо снизили количество поездок. Эпидемии и болезни также подвигали власти

городов реорганизовывать жизнь людей в своих домах. В 1901 году был принят New York State Tenement House Act, который требовал, чтобы в каждой комнате в квартире было окно, выходящее на улицу, а также открытый двор и вентиляция. Сделано это было в том числе под давлением гигиенистов и общественности.

В 2002–2003 годах мир переживал вспышку атипичной пневмонии, в ходе чего начался процесс, который сильно повлиял на уклады городской жизни. Огромное количество людей в Китае оставались дома в течение длительного времени и стала формироваться новая система их жизнеобеспечения. Компания «Алибаба», ориентированная до этого на B2B-операции, создала сервис покупки и доставки товаров на дом – Taobao. После окончания карантина далеко не все решили снова идти за покупками пешком. Изменения в городской жизни и экономике после завершения пандемии, скорее всего, будут такими же. Многие не захотят возвращаться к докарантинным моделям поведения. Компании массово отказываются от командировок и переводят сотрудников на удалённый формат работы. А Университет Южной Калифорнии предложил своим учащимся и профессорам перейти на дистанционное обучение с помощью платформ Zoom и Blackboard. Уже на этой неделе все лекции будут идти онлайн в течение трёх дней. В России «Битрикс24» сделал базовый тариф бесплатным для неограниченного числа пользователей. Видимо, этот карантин даст нам толчок в развитии новых видов удалённого сервиса, а сама тенденция, возможно, заставит собственников офисных зданий пересмотреть арендные ставки.

Стриминговые платформы вроде «Нетфликса» одержат очередную победу над кинотеатрами в ходе этой эпидемии, ведь

стриминг менее затратен как для организаторов, так и для пользователей. Показ «Армани» на Миланской неделе моды в этом году был проведён за закрытыми дверьми — просто сделали онлайн-трансляцию. Получается, можно и не ехать в Милан, а просто посмотреть все показы из дома и быстро написать отчёты для своего Telegram-канала или Instagram. Новые возможности соответствуют новым потребностям и одновременно формируют их, меняя образ жизни человека.

В период «уделенной» жизни проявили себя социальные предприниматели, сообщества и волонтёры. Участники движения Soap Cycling в Гонконге раздают уборщицам улиц маски и гигиенические наборы, а компания Century Tech, которая в обычной жизни продаёт онлайн-курсы, теперь предоставляет бесплатное обучение для детей в странах, где школы закрыты на карантин. Уже сейчас мы видим, как эпидемии меняют и экономику совместного потребления. Во время последней вспышки вируса подобного масштаба (SARS в 2003 году) ни Uber, ни Airbnb, ни Delivery Club, ни Lyft ещё не существовало. Сейчас же работники этих компаний находятся в зоне повышенного риска, как и пользователи сервисов. И хотя чётких правил на случай вирусов и эпидемий не существует, очевидно, что это направление будет развиваться.

В условиях, когда высокая плотность населения и многочисленные переезды повышают угрозу распространения вируса, актуальность приобретают идеи «двадцатиминутных городов» — когда горожанин может попасть к своему доктору, на работу или к друзьям в течение 20 минут. Такая организация жизни позволяет удовлетворять максимальное количество потребностей в своем районе, а в другие части города выезжать реже. Это помо-

жет сократить скорость распространения вируса. Сейчас Мельбурн пытается воплотить в жизнь этот подход, а мэр Парижа Анна Идальго в рамках своей предвыборной кампании заявила, что концепция пятнадцатиминутного города станет ведущей в период её работы мэром, если ей удастся победить. В будущем все городские системы должны быть настроены так, чтобы мы могли спокойно прожить две недели, не выходя из дома.

Но это лишь технологические решения, которые обозначили общие тенденции, в разных странах проявляющие себя в зависимости от их специфики самым различным образом. Для развития и укрепления этим тенденциям необходимы соответствующие макросоциальные условия. Для масштабных изменений необходимы ресурсы самого перехода к новым жизненным укладам – достаточные для того, чтобы не пришлось осуществлять «прыжок через пропасть в два шага», как говорили о перестройке в её либеральной фазе, после чего СССР ушел в историю.

Последнее поколение советских людей - «пионеров космических трасс», так усердно приучивали к идеи прогресса, что теперь по инерции его представители склонны видеть прогресс в любых происходящих с ними изменениях. Даже когда реальность цинично грабит их, самодовольно смеется и при этом тычет наганом в лицо, люди утешают себя мыслью, что все это им только на пользу.

В ситуации вызванного катастрофической деиндустриализацией культурного одичания обнаружилось, что есть вещи, которые не меняются - потому, что не в их природе изменяться. Социальные типы традиционного уклада жизни - как стеклянные вазы, отлитые некогда в жерлах вулканических трансформаций первич-

ной человеческой природы и пребывают с тех пор в неизменности. Их могут лишь разбить исторические обстоятельства, но не могут изменить, они эффективно сопротивляются любым изменениям сохраняя свою конституцию - любой ценой и независимо от любых аргументов стоят на своем. Ожидать креативности в таких условиях несколько самонадеянно.

Не ядерная война разрушила миропорядок неолиберальной цивилизации, которая тридцать лет назад хвасталась тем, что достигла пика человеческого развития, став окончательным «венцом социального прогресса». И вдруг – всеобщая паника, крах экономики, конец демократии, апокалипсис. Меркель сравнила коронавирус со Второй мировой войной. Это не чума - хотя меры принятые беспрецедентные, словно это смертельная моровая язва. Это даже не революция – но сложившийся порядок «конца истории» трещит по швам. Если ничтожная угроза стала причиной таких катастрофических умонастроений, значит этот порядок развалился бы все равно - не от одного, так от другого. Умирает 3,4% – в десять раз меньше, чем от рака и от туберкулеза. Мало того, вирус, как доказано, имеет свойство мутировать и, развиваясь по экспоненте, слабеет в мутациях одновременно с увеличением площадей поражения. Это неприятный опасный грипп. Но свиной грипп, САРС и МЕРС были в разы опаснее.

Коронавирус стал катализатором наревших перемен, о которых не хотели и не смели думать и говорить. Из-под карнавала разноцветных умилительных симуляков постмодерна выглядывает непонятное и неизвестное лицо социальной реальности, от которого невозмож но отвернуться при всем желании. Вместо вирусной пандемии могла быть

мировая война, к этому все шло. И было бы, разумеется, хуже, но и этот мягкий сценарий дал дорогу укорененным в самом нынешнем мироустройстве страхам более масштабных катастроф. Люди переживают такие же чувства, как и при войне, получая новый опыт который разрушает их прежний уклад жизни.

Оптимисты склонны думать, что общая беда инициирует забытую в либеральном угаре общественную солидарность. Но схватиться за голову еще не означает взяться за ум. Общественная солидарность не возникает на ровном месте – и если десятилетиями разрушали её материальные, духовные и социальные основы, ей сегодня просто неоткуда взяться. Никакие красивые акции и прекраснодущие призывы не помогут – фундаментальное недоверие сформировало оптику презумпции экономического интереса во всем. Воспитанные в атмосфере демонтажа социального государства и грабежа общественных ресурсов люди прекрасно уживаются с болезнями, нищетой и поражением в правах – если это, разумеется, не касается их лично. В нашей стране примеров тому – миллионы нищих старииков, бедствующих переселенцев, а также людей, на чьи головы и во время пандемии сыплются снаряды, приносящие немоверные прибыли бравурной партии войны. Все как всегда – откуда взяться порыву к солидарности, люди склонны действовать по принципу «спасение утопающих – дело рук самих утопающих».

От защиты абстрактных прав нужно переходить к конкретной защите людей – лишь так общество начнет выздоравливать и ему не будет страшен вирус. Надо всем миром начать строить новую жизнь – где будет место больницам для следующей эпидемии, которая придет. Строить для жизнео-

беспечения тех, кто не может быть источником прибыли – стариков, детей, нищих.

Без этого общество рискует войти в новую fazu – fazu социальных революций. Кто не идет по дороге судьбы, того судьба тащит за волосы – созданное в прежнем периоде социально-политическое устройство сейчас в действии и порождает новые условия, которые грозят революцией – то есть сломом общественного устройства, под которым может быть погребено и государство.

Карл Маркс называл революции «локомотивами истории», а В. И. Ленин считал, что «революции – праздник угнетенных и эксплуатируемых». Революции не социализируют людей, а биологизируют, не увеличивают, а сокращают все базовые свободы, не улучшают, а скорее ухудшают экономическое и культурное положение людей. Общественные проблемы решаются – но ценой непомерных страданий и потерь. При революционном методе лечения общественных зол «расходы» слишком велики и «завоевания революции» не оправдывают их. В революции – хаос, жестокость, нивелирование ценности человека.

Свидетель и участник революционных потрясений начала XX века, российско-американский социолог Питирим Сорокин заметил, что если бы за Русской революцией наблюдали инопланетяне, то они могли бы сделать вывод, что хозяйственная деятельность на Земле ценится дороже, чем человеческая жизнь. Он резко критикует тех, кто видит в революции лучшее средство борьбы с социальными недугами, он сравнивает такую позицию с предложением тушить пожар керосином.

Но одного стремления отказаться от революции недостаточно – революционная ситуация может складываться объективно. Причины рево-

люционной ситуации состоят в том, что часть людей осознает невозможность жить по-старому и требует изменений, в то время, как политический класс не в состоянии управлять старыми методами. К этому добавляется обострение выше обычного нужды и бедствий, усиление выше обычного политической революционной активности масс, сопровождаемое ущемлением базовых инстинктов большинства населения и дезорганизацией власти. Ущемление базовых инстинктов вынуждает человека искать выход. Из-за голода законопослушный гражданин становится вором и бандитом, работник становится попрошайкой, верующий прекращает поститься, аристократ отправляется на рынок торговаться. Полное исчезновение тормозов в поведении людей может привести к распаду общества, когда человек отказывается от цивилизованного поведения и превращается в зверя, которому всё позволено — убийство, насилие, грабёж.

Питирим Сорокин описывал ущемление базовых инстинктов как голод (подавление пищеварительного инстинкта) - особенно голод на фоне аристократического обжорства на пирах. Далее - обнищание, как подавление импульса собственности. «Пролетариат в России был беден как «церковная крыса», «история взгромоздила его на «кровать из гвоздей» - нечто подобное сегодня можно сказать и о новом глобальном классе обездоленных -«прекариате». Революционные армии чаще всего были составлены из бедняцких слоёв, которым нечего терять, но которые могут приобрести всё. По крайней мере так им казалось. Подавлением инстинкта самосохранения была неудачная война и государственный терроризм. Неудачные войны предшествуют революциям. Война превращает солдат в беснующиеся толпы сумасшедших – как это происходило с русскими

солдатами в 1917 г. и с немецкими солдатами в 1918 г. Солдаты бросали фронт и с яростью набрасывались на правительство.

Сорокин характеризует также и ущемление полового инстинкта на фоне распутства привилегированных классов, цензуру и запрет на миграцию как подавление импульса свободы и сословные ограничения, как подавление инстинкта самовыражения. Отсутствие социальных лифтов мешало людям из низов занять статус, соответствующий их талантам, поэтому прирождённый правитель, ставший простым рабочим, обернётся лидером конспиративной организации, «Цицерон» становится пропагандистом, «поэт» восславляет революцию.

Это подлинные причины революции, а предлог может быть совершенно другим — ссора вокруг религиозных догм или созыв Генеральных штатов. Идеология лишь определяет выбор лозунгов, популярных героев и основной идеи – будь то толкование Евангелия, национальная идея, теория прибавочной стоимости или капиталистическая эксплуатация.

Самыми революционными становятся те социальные группы, у которых ущемляется самое большое количество базовых инстинктов и, наоборот, противниками революции будут те сословия и социальные группы, у которых полностью отсутствуют или имеется небольшое количество ущемлённых инстинктов. Поэтому большевикам оказалось легко увлечь революционными идеями солдат и рабочих, а аристократы всегда были против революции. В феврале 1917 г. за революцию было 95% населения, а затем отдельные социальные группы с течением времени, постепенно стали выступать против эскалации революции и за наведение порядка. В 1921 г. даже крестьяне и матросы в Кронштадте восстали против большевиков.

Советское правительство в этих условиях удержало власть только благодаря страшной усталости от катаклизмов гражданской войны и уступок в форме НЭПа.

Дезорганизация власти и социального контроля, как вторая причина революции означает неспособность правительства подавить смуту, устраниТЬ условия, вызывающие недовольство населения, расколовть массу на части и натравить их друг на друга по принципу «разделяй и властвуй», направить выход энергии масс в другое нереволюционное русло по принципу «открыть клапан, чтобы котёл не взорвался».

Атмосфера предреволюционных эпох всегда поражает наблюдателя бессилием властей и вырождением правящих привилегированных классов. «В стране нет рулевого. Где же он? Может он уснул? Правитель утратил силу и более не поддержка нам», — таковы комментарии летописца Ипувера о слабости власти фараонов накануне египетской революции эпохи Среднего царства. Такая же обстановка была в России в 1917 г. - не было ни одного министра здравомыслящего и властного, целая галерея бессталанных правителей и циничных карликов, это результат полного вырождения элиты. Китайская поговорка гласит, что вода несет лодку, но может её и перевернуть. История «терпит» жестокие и хищнические правительства до тех пор, пока они умеют управлять государством, но она выносит суровый приговор бессильным и паразитическим правительствам. Общество, которое не способно развиваться путём мирных реформ, вынуждено платить за революцию дань в размере значительной части своего населения.

Когда чрезвычайные меры становятся нормой, сама норма становится чрезвычайной ситуацией, с которой вынуждены как-то справляться. Чрезвычайщина не может

быть нормой по своей природе. Норма как устойчивая непрерывность практики социальной организации была укоренена, связана с непрерывностью производственных процессов в индустриальной форме и разделению труда в определенной целостной системе. Необходимость интеграции людей в единых системных процессах производства обуславливала и характер политического правления. Образовавшаяся во второй половине XXв. дискретная организация производственных процессов в «постиндустриальном» мире, которые идут в неопределенном качественно и количественно пространстве, предполагает соответствующий режим осуществления власти - дискретный и неопределенный, нацеленный на отдельный, локализованный фрагмент социальных отношений.

Открывшаяся вирусной угрозой (какова бы ни была её реальная природа) социальная чрезвычайщина - не новая основа, а выражение доведения до крайности «постиндустриально» (не-производящего) мира.

Теперь мы находимся на пороге возврата к необходимости производящего материальные, социальные, духовные условия жизни человека мира - потому ни неолиберальная демократия ни пришедшие ей на смену «чрезвычайные» режимы не имеют исторического будущего. Хотя какое-то время могут и просуществовать ещё, став основой этапа действительных реформ, которые предотвратят угрозу перспективы скатывания к революции. Это субъективный фактор, та самая политическая культура, которой принято гордиться у себя и об отсутствии которой у других принято патетически и гневно сетовать – особенно находясь в «уделенном режиме». Но удалиться из истории не удавалось еще никому.

